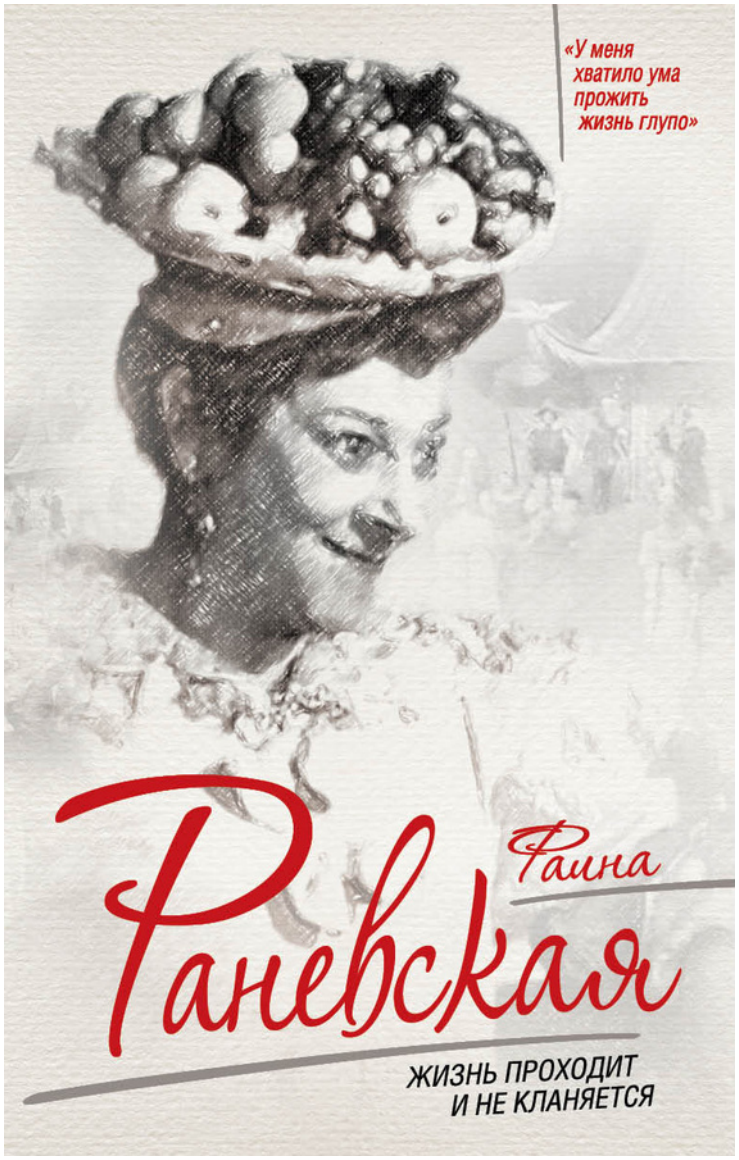

«У меня
хватило ума
прожить
жизнь глупо»
Фаина
Раневская
ЖИЗНЬ ПРОХОДИТ
И НЕ КЛАНЯЕТСЯ

Софья Бенуа

Фаина Раневская. Жизнь проходит и не кланяется

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17383911
Фаина Раневская. Жизнь проходит и не кланяется / С. Бенуа: ТД Алгоритм; Москва; 2015
ISBN 978-5-906789-55-8

Аннотация

Какой парадокс: ее театральные и экранные работы можно перечесть по пальцам, но, согласно Британской энциклопедии «Who is who» («Кто есть кто»), она входит в десятку самых выдающихся актрис XX столетия! Так в чем состоит уникальность Фаины Георгиевны Раневской, девочки-дурнушки из семьи «бедного нефтепромышленника», ставшей харизматичной актрисой («Золушка», «Подкидыш», «Пышка», «Легкая жизнь» и др.)? Автор утверждает: личность Фаины Раневской остаётся притягательной благодаря неповторимому ироничному взгляду на жизнь: актриса никогда не стеснялась в выражениях и если шутила, то высмеивала наповал, до слёз. Однако вовсе не сарказм помог ей, народной артистке СССР, получить, как она выражалась, «похоронные принадлежности»: ордена Ленина и Трудового Красного Знамени, а еще – три Сталинских премии! И не остроты и внецензурные выражения укрепляли ее дружбу с самыми известными людьми той эпохи: Анной Ахматовой, Любовью Орловой, Ростиславом Пляттом, Ольгой Аросевой и многими другими. Похоже, что из всех советских знаменитостей только она одна могла позволить себе быть искренней. В момент, когда ее окружали дети с радостными возгласами «Муля! Муля!», она пренебрежительно отвечала: «Пионеры, идите в ж*пу».

И сложно представить, что в этой незаурядной личности таилась страшно одинокая, тонкая и ранимая душа… Несмотря на десятки книг, написанных о Раневской, ее феномен так и не раскрыт до конца… и только сейчас у читателя появляется возможность взглянуть на противоречивую судьбу оригинальной актрисы по-новому.

Содержание

Глава I 4
Девочка из провинции 4
Нерадивая ученица 11
Важные знакомства 17
Глава II 19
Покорение Москвы 19
Судьбоносная встреча 22
Сценическая школа: первые учителя 27
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Бенуа Софья
Фаина Раневская. Жизнь проходит и не кланяется

Глава I
Детство Фаины: наука одиночества

«Ребёнка с первого класса школы надо учить науке одиночества».
Фаина Раневская

Девочка из провинции

«Если у тебя есть человек, которому можно рассказать сны, ты не имеешь права считать себя одиноким…»
Фаина Раневская

Душной, звездной августовской ночью 1896 года в приморском городке Таганроге, в опрятном двухэтажном особняке из красного кирпича на улице Николаевской появилась на свет Фая Фельдман. Кто бы мог тогда подумать, что этой бледненькой, едва слышно пищащей в руках повитухи новорожденной девочке из респектабельной еврейской семьи предстоит стать величайшей актрисой своего времени, бесподобной Фаиной Раневской?

Как свидетельствовали знаменитые уроженцы Таганрога, жизнь в городке текла вяло, напоминая обмелевшую речушку с болотистыми берегами. Антон Павлович Чехов вспоминал о родном городе (дом Чеховых находился всего в одном квартале от особняка Фельдман):

> «Таганрог – совершенно мертвый город. Тихие, пустынные, совершенно безлюдные улицы, засаженные по обеим сторонам деревьями в два ряда – акациями, тополями, липой, из-за которых летом не видно домов… Отсутствие движения на улицах, торгового оживления, мелкий порт, не позволявший большим судам подходить близко к Таганрогу, пустынные сонные бульвары у моря и над морем – и всюду тишина, мертвая, тупая, подавляющая тишина, от которой… хочется выбежать на улицу и закричать «караул». Тихим очарованием печали и одиночества, заброшенности, медленного умирания веет от безлюдных широких улиц, заросших деревьями, погруженных в дремотное безмолвие; кажется, пройдет еще несколько лет – и буйно разросшиеся акации и бразильские тополя погребут под собой город, и на его месте зашумит густой, непроходимый, дремучий лес».

Русский литератор и историк балета Валериан Яковлевич Светлов красочно описывал Таганрог как знойное южное захолустье:

> «Таганрог – очень неинтересный город для принужденных постоянно обитать в нем и, главным образом, неинтересный по климатическим условиям: жара в нем стоит неестественная, доходящая летом до 48–50 градусов, а холод зимою до 20 и больше… Таганрог производит на человека, попавшего в него в первый раз, странное и унылое впечатление

выморочного города: улицы пустынны, как в Помпее, ставни у всех домов наглухо заперты; изредка попадается неторопливо идущий прохожий; даже на главной, Петровской улице летом нет никакого движения, а зимою – лишь небольшое, да и то в определенный вечерний час… Не имея канализации, водопровода и стоков, город не может быть действительно чистым; в особенности отвратительно в нем содержание ассенизационного обоза, распространяющего по вечерам невероятное зловоние на улицах. Несчастные обыватели только что открыли ставни и окна, желая воспользоваться наступившей хотя бы относительной прохладой, как уже приходится закрывать окна, чтобы спастись от мчащегося с грохотом обоза».

Таганрог. Памятник Фаине Раневской возле родительского дома Фельдманов, где родилась и росла будущая актриса

Однако отцу маленькой Фаи Таганрог вовсе не казался захолустьем и болотом: деятельный и целеустремленный Гирши Хаймович Фельдман был крупным торговцем и фабрикантом (владельцем фабрики сухих красок), нажившим изрядное состояние, включающее несколько доходных домов, портовые склады, магазин и даже пароход «Святой Николай». Фаина Раневская рассказывала о жизни своей семьи в период ее детства:

> – Можно сказать, что тогда мы жили на широкую ногу. Дом – полная чаша, множество прислуги, дача под городом. Летом дача обычно пустовала – семья нередко проводила это время года в Швейцарии, Франции или Италии….

Строгий и набожный, Гирши Хаймович все свободное время посвящал синагоге (являясь ее старостой) да приюту для старых евреев, который сам и основал. Детьми (у Фаины были еще сестра Изабелла и два брата: Яков и Лазарь) занималась мать – Милька Рафаиловна (Заговайлова). Андрей Шляхов, биограф Раневской, рассказывал о браке ее родителей:

> «В «Книге для записи сочетания браков между евреями на 1889 год» таганрогский раввин по фамилии Зельцер 26 декабря 1889 года зарегистрировал брак мещанина местечка Смиловичи Игуменского уезда Минской губернии Гирша Хаимовича Фельдмана и девицы – лепельской мещанки Витебской губернии Мильки Рафаиловны Заговайловой. Жениху было двадцать шесть лет, а невесте – семнадцать.
>
> Зарегистрировав этот брак, ребе Зельцер, сам того не ведая, обеспечил себе место в истории. Ведь именно те, кого в ту далекую зиму он благословил на долгую и счастливую жизнь вместе, станут родителями одной из самых ярких, самых талантливых актрис двадцатого столетия – через пять с половиной лет после свадьбы, 27 августа 1895 года в семье Фельдманов родилась дочь Фаина.
>
> Гирш Фельдман был типичным деловым человеком, которого в первую, вторую и третью очередь интересовали только деньги, а невеста – трепетной особой, красавицей, преисполненной высоких чувств.
>
> Экзальтированная натура, поклонница литературы, музыки и прочих искусств, обожавшая, кстати говоря, Чехова».

О своих родителях Фаина рассказывала:

> – Я безумно любила свою маму, Мильку Рафаиловну Фельдман. Именно от нее я унаследовала чувствительность, артистичность, любовь к музыке, чтению, театру. С отцом же, Гирши Хаймовичем Фельдманом, сложились несколько иные отношения – я не была его любимицей. Из всех четырех детей он выделял Изабеллу, мою старшую сестру.

Дом, в котором выросла Фая, казался ей самым тоскливым местом на земле, особенно после того, как умер один из ее братьев, Лазарь (девочке тогда едва исполнилось пять лет):

> «…Разные события всплывают из недр памяти и волнуют до сердцебиения. Я вижу двор, узкий и длинный, мощенный булыжниками. Во дворе сидит на цепи лохматая собака с густой свалявшейся шерстью, в которой застрял мусор и даже гвозди, – по прозвищу Букет. Букет всегда плачет и гремит цепью. Я люблю его. Я обнимаю его за голову, вижу его добрые, умные глаза, прижимаюсь лицом к морде, шепчу слова любви. От Букета плохо пахнет, но мне это не мешает. В черном небе – белые звезды, от них светло. И мне видно из окна, как со двора волокут нашу лошадь. Кучер

говорит, что лошадь подохла от старости и что тащат ее на живодерню. Я не знаю, что такое живодерня. Мне пять лет.

…Умер маленький братик, я жалела его, день плакала. И все-таки отодвинула занавеску на зеркале – посмотреть, какая я в слезах. В пять лет была тщеславна, мечтала получить медаль за спасение утопающих… У дворника на пиджаке медаль, мне очень она нравится, я хочу такую же, но медаль дают за храбрость – объясняет дворник. Мечтаю совершить поступок, достойный медали. В нашем городе очень любили старика, доброго, веселого, толстого грузина-полицмейстера. Дни и ночи мечтала, чтобы полицмейстер, плавая в море, стал тонуть и чтобы я его вытащила, не дала ему утонуть и за это мне дали медаль, как у нашего дворника. Теперь медали, ордена держу в коробке, где нацарапала: «Похоронные принадлежности».

Таганрог. Дом семьи Фельдманов на улице Николаевской (названа в честь цесаревича Николая Романова, который в 1863-м посетил город), переименованной в 1927-м в улицу Фрунзе (в честь партийного деятеля, никогда не бывавшего в Таганроге)

Старшая сестра Изабелла была статной красавицей, любимицей отца. А нескладную, замкнутую, заикающуюся и оттого нелюдимую Фаину не очень-то жаловали, брат с сестрой частенько подтрунивали над ней – постоянные стычки Фаина переживала тяжело, подолгу обижалась, замыкалась в себе. В большой семье чувствительная и ранимая девочка оказалась одинокой. Кроме того, младшая сестра завидовала красоте старшей и часто плакала в подушку злыми, горькими слезами, досадуя, что эта «фифа», Белла, весела, легка, приветлива и хороша, а она, Фаина, нелюдима, косноязычна и, как ей казалось, уродлива. Годы спустя, когда девочка выросла, превратившись в известную актрису, она сохранила свое пренебрежительное отношение к красивым девушкам, всех поголовно называя «фифами».

Впрочем, от заниженной самооценки взрослая Фаина Раневская так же избавиться до конца не смогла. Биограф Андрей Шляхов рассказывает:

> «Маленькая Фаина, как это нетрудно представить, не любила Новый год, этот чудесный праздник с наряженной елкой и кучей подарков. Причина была проста: на праздники признанную красавицу, старшую сестру Беллу наряжали, словно принцессу. В прелестном наряде та казалась еще обольстительнее, чем обычно. Окружающие восхищались Беллой, порой преувеличенно восторженно, чтобы польстить отцу, не чаявшему души в очаровательной дочери, и совершенно забывали про некрасивую и неуклюжую заику Фаину, завистливо наблюдавшую за очередным триумфом сестры со стороны. Ей, как и всякому ребенку, хотелось похвал, внимания, аплодисментов, но всего этого девочка была лишена и оттого чувствовала себя несчастной, никому не нужной».

Два зрелища из детства оставили в душе маленькой, чуткой девочки неизгладимый след: кино и поход в зверинец. Если первое (раскрашенная кинокартина «Ромео и Джульетта») заставило Фаю буквально переполниться восторгом:

> – Впервые в кино я обомлела. Фильм был в красках, возможно, «Ромео и Джульетта».

…то второе зрелище наполнило душу девочки страданием и ужасом:

> – В маленькой комнате в клетке сидела худая лисица с человечьими глазами. Рядом на столе стояло корыто, в нем плавали два крошечных дельфина. Вошли пьяные, шумные оборванцы и стали тыкать в дельфиний глаз, из которого брызнула кровь.

Фая росла в достатке, под крылом горячо любимой матери, однако чувствовала себя несчастливой и одинокой. Она избегала насмешливых сверстников, мучительно стесняясь своего заикания, не заводила подруг, ненавидела учебу. Однако при этом девочка была щедрой и великодушной, с чуткой душой, благородные порывы которой тщательно скрывались под слоем наносной нелюдимости, изредка прорываясь странными на взгляд окружающих поступками, о которых взрослая Раневская вспоминала:

> «Мне лет 12. Я в экстазе, хорошо помню мое волнение. Схватила копилку в виде большой свиньи, набитую мелкими деньгами (плата за рыбий жир). Свинью разбиваю. Я в неистовстве – мне надо совершить что-то большое, необычное. По полу запрыгали монеты, которые я отдала соседским детям: «Берите, берите, мне ничего не нужно…».

Родители Фаины Раневской: Гирш Фельдман (фото предположительно 1920-х годов) и Милка Рафаиловна Заговайлова

Фаина Раневская рассказывала, что уже лет с четырех она то и дело играла в любимую игру – изображала других людей, ее окружающих: домочадцев, прислугу, приказчиков отца, мороженщика, проходящих по улице мимо дома пилигримов – ходоков на Афон. В своих воспоминаниях она писала:

> – Я переиграла все роли, говорила, меняя голос… Была и ширма, и лесенка, на которую становилась. Сладость славы переживала за ширмой. С достоинством выходила раскланиваться… Существует теория, утверждающая, что всю свою жизнь человек инстинктивно старается добрать то, что недополучил в детстве. Кто-то покупает себе, любимому, дорогие игрушки, кто-то забивает шкафы нарядами, а кто-то не мыслит и дня без изысканных блюд. Вполне возможно, что главным стимулом моего творческого пути стала жажда внимания, жажда признания, жажда восхищения со стороны окружающих.
>
> Творческие наклонности были во мне всегда. Наверное, даже когда я родилась, это было заметно! Еще в раннем детстве я испытывала непреодолимое желание повторять за дворником все, что он говорит и делает. На дворнике останавливаться не стала – изображала всех, кто только попадался на глаза. «Подайте Христа ради», – канючила вслед за нищим; «Сахарная мороженая!» – вопила вслед за мороженщиком; «Иду на Афон, Богу молиться», – показывая приторно благочестивую паломницу, я, будучи четырехлетней девочкой, шамкала «беззубым» ртом и ковыляла с палкой, согнувшись в три погибели.

Биограф Андрей Шляхов рассказывал:

> «…Фаину с детства влекло к талантливым людям, она признавалась, что искренне завидовала их таланту. Так, когда в гости к старшей сестре Белле приходил гимназист, который читал ей наизусть стихи, не забывая при этом вращать глазами, взвизгивать, рычать тигром, топать ногами, рвать на себе волосы и заламывать руки, Фаина трепетала от восторга, а рыдания чтеца в завершение декламации доводили ее до экстаза».

Однажды она устроила целое представление для своих домашних, которое называлось «Закусочная». Фая настолько точно передала повадки завсегдатаев закусочной, их манеру говорить, пересыпая речь крепкими словечками, – что отец не на шутку рассердился и строго-настрого запретил девочке впредь устраивать подобные представления. Это была первая, однако далеко не последняя серьезная стычка с отцом на тему увлечения Фаи актерством. Надо сказать, что воспитывались дети Фельдман довольно строго: каждая провинность наказывалась: в ход шли разные методы – от воспитательной беседы и стояния в углу до самой настоящей порки. Противостояние девочки с отцом продолжалось до тех пор, пока юная Фаина не уехала из родного захолустья навсегда. Позже она рассказывала о таганрогском периоде своей жизни:

> – …Было ли оно у меня вообще – детство? Не как отрезок времени в жизни человека, а как прекрасная пора, полная чудесных открытий, родительской любви и беззаботного веселья? Мне вспоминается горькая моя обида на всех окружавших меня в моем одиноком детстве. Училась плохо, арифметика была страшной пыткой. Писать без ошибок я так и не научилась, считать тоже. Наверное, потому всегда, и по сию пору, всегда без денег. С трудом окончив младшие классы Мариинской женской гимазии, упросила мать и отца забрать меня оттуда…».

Нерадивая ученица

«Существует понятие «с молоком матери». У меня – «со слезами матери». Мне четко видится мать, обычно тихая, сдержанная, – она громко плачет. Я бегу к ней в комнату, она уронила голову на подушку, плачет, плачет, она в страшном горе. Я пугаюсь и тоже плачу. На коленях матери – газета: «…вчера в Баденвейлере скончался А.П. Чехов».
Ф. Раневская

Мариинская гимназия, где Фаина проучилась несколько лет ценой страданий и унижений, была известна своими строгими правилами и непомерно требовательными классными дамами, от пронзительных взглядов которых душа маленькой, застенчивой гимназистки уходила в пятки. Ни с кем из своих учителей Фаина так и не нашла общего языка: муштра ее доводила до отчаяния, а сверстницы, жестокие, насмешливые девочки, также не стали ей подругами. Однажды классная дама, госпожа Орем, решив подбодрить Фаину, преподнесла ей серебряный медальон с гравировкой: «Лень – мать всех пороков». Не избалованная вниманием девочка с гордостью носила подарок учительницы.

Дети: Фаина (слева), Белла и Яков с гувернанткой. Таганрог, 1900 год

После того как Фаине удалось уговорить родителей забрать ее из гимназии, начались годы домашнего обучения. Как и во всякой состоятельной семье того времени, в особняке Фельдман жили домашние воспитатели, которые учили детей музыке и пению, чтению и иностранным языкам. Из всего, что преподавалось в гимназии и дома, Фаина по-настоящему любила только чтение, посвящая ему все свободное время. Нередко чувствительная девочка рыдала над книгой, однако утешать ее никто не спешил: черствая гувернантка отбирала книгу, вызвавшую слезы, а Фаину наказывала – ставила в угол или лишала десерта. Не удивительно, что любовь девочки к литературе не распространялась на гувернантку. В одном из своих интервью Раневская вспоминает:

> – Учительница подарила медальон, на нем было написано: «Лень – мать всех пороков». С гордостью носила медальон. Ненавидела гувернантку, ненавидела бонну-немку. Ночью молила Бога, чтобы бонна, катаясь на коньках, упала и расшибла голову, а потом умерла. Любила читать, читала запоем, над книгой, где кого-то обижали, плакала навзрыд, – тогда отнимали книгу и меня ставили в угол. Училась плохо, арифметика была страшной пыткой. Писать без ошибок так и не научилась. Считать тоже. Случались и

порки. Так, например, когда я вместе со старшим братом Яковом однажды сбежала из дома и была поймана по дороге на вокзал городовым, дома нас ожидала порка, а не зажаренный упитанный телец, которым положено встречать блудных детей.

Помимо книг, маленькая Фая всей душой любила музыку, кино и театр:

– В городе, где я родилась, было множество меломанов. Знакомые мне присяжные поверенные собирались друг у друга, чтобы играть квартеты великих классиков. Однажды в специальный концертный зал пригласили Скрябина. У рояля стояла большая лира из цветов. Скрябин, выйдя, улыбнулся цветам. Лицо его было обычным, заурядным, пока он не стал играть. И тогда я услыхала и увидела перед собой гения. Наверное, его концерт втянул, втолкнул душу мою в музыку. И стала она страстью моей долгой жизни…

В театре в нашем городке гастролировали и прославленные артисты. И теперь я еще слышу голос и вижу глаза Павла Самойлова в «Привидениях» Ибсена: «Мама, дай мне солнца…» Помню, я рыдала…

Театр был небольшой, любовно построенный с помощью меценатов города. Первое впечатление от оперы было страшным. Я холодела от ужаса, когда кого-то убивали и при этом пели. Я громко кричала и требовала, чтоб меня увезли в оперу, где не поют.

Кажется, напугавшее меня зрелище называлось «Аскольдова могила». А когда убиенные выходили раскланиваться и при этом улыбались, я чувствовала себя обманутой и еще больше возненавидела оперу.

…Я стою в детской на подоконнике и смотрю в окно дома напротив. Нас разделяет узкая улица, и потому мне хорошо видно все, что там происходит. Там танцуют, смеются, визжат. Это бал в офицерском собрании. Мне семь лет, я не знаю слов «пошлость» и «мещанство», но мне очень не нравится все, что вижу на втором этаже в окне дома напротив. Я не буду, когда вырасту, взвизгивать, обмахиваться носовым платком или веером, так хохотать и гримасничать!.. Там чужие, они мне не нравятся, но я смотрю на них с интересом. Потом офицеры и их дамы уехали, и в доме напротив поселилась учительница географии – толстая важная старуха, у которой я училась, поступив в гимназию. Она ставила мне двойки и выгоняла из класса, презирая меня за невежество в области географии. В ее окно я не смотрела, там не было ничего интересного. Через много лет, став актрисой, я получила роль акушерки Змеюкиной в чеховской «Свадьбе». Мне очень помогли мои детские впечатления-воспоминания об офицерских балах. Помогли наблюдательность, стремление увидеть в человеке характерное: смешное или жалкое, доброе или злое…

Отношения с противоположным полом не задались для Раневской с самого первого, детского еще свидания. Биограф А. Шляхов рассказывал:

> «Фаина Георгиевна вспоминала, что гимназист, поразивший ее сердце, имел замечательную фуражку, где над козырьком был надраенный герб гимназии, а тулья по бокам ее была опущена чуть ли не до ушей. Это великолепие буквально сводило юную Фаину с ума. Придя же на свидание, Фаина, к своему удивлению, застала на указанном ей гимназистом месте – скамейке в городском саду – незнакомую девочку. Девочка попросила Фаину уйти, объяснив, что та уселась на скамью, на которой у нее назначено свидание. Фаина отказалась, объяснив, что и она находится здесь по той же причине.
>
> Вскоре на горизонте возник герой-гимназист, нисколько не смутившийся при виде обеих своих дам. Как ни в чем не бывало он уселся на ту же скамью между ними и стал насвистывать какой-то мотивчик.

Незнакомка вновь потребовала от Фаины, чтобы она немедленно удалилась, на что Фаина ответила категорическим отказом. Препирательства двух девочек длились долго. Каждая из них ревностно отстаивала свои права на заскучавшего к тому времени гимназиста. Затем гимназист и соперница Фаины пошептались, после чего та принялась кидаться в Фаину камнями.

Фаина заплакала и ушла, но вскоре вернулась и, остановившись в нескольких шагах от скамейки, на которой ворковали люди, разбившие ее сердце, с пафосом воскликнула: «Вот увидите, вас накажет Бог!». И ушла, преисполненная достоинства и сознания выполненного долга».

Одной из черт, унаследованных Фаей от артистичной, впечатлительной матери, была способность влюбляться в талантливых личностей. При этом Фаину совершенно не волновало, к какому времени принадлежали эти люди и были ли они вообще. Биограф Матвей Гейзер писал:

«Одним из первых воспоминаний ее детства стала смерть Чехова. Она навсегда запомнила прекрасное летнее утро и горестно рыдающую над газетой мать. Перепуганная Фаина поплакала вместе с ней, а потом нашла первую попавшуюся книгу Чехова и прочитала ее. Это оказалась «Скучная история», которая произвела на нее такое впечатление, что позже Раневская написала, вспоминая тот момент, когда она закрыла книгу: «На этом кончилось мое детство. Я поняла все об одиночестве человека». Спустя несколько лет она вновь услышала крик и рыдания матери: «Как же теперь жить? Его уже нет. Все кончилось, все ушло, ушла совесть…» На этот раз умер другой обожаемый ею писатель, Лев Толстой. Его смерть Милка Фельдман переживала так тяжело, что надолго заболела.

Вот так и Фаина Раневская потом – любила кого-нибудь, так уж любила, с полной самоотдачей. Так она любила своих друзей, и так же она любила Толстого и Пушкина – со всей страстью, со всеми душевными силами, на какие была способна.

«Любила, восхищаюсь Ахматовой. Стихи ее смолоду вошли в состав моей крови», – писала Раневская в дневнике.

И это была чистая правда. Стихи Ахматовой, а потом и она сама так прочно вошли в жизнь Раневской, что теперь уже невозможно представить их друг без друга. Великая поэтесса и великая актриса – они были неразрывно связаны до конца жизни.

Их дружба по-настоящему началась в Ташкенте, во время Великой Отечественной войны, но познакомились они гораздо раньше. Раневская тогда, по ее собственным воспоминаниям, еще была Фаиной Фельдман и жила в Таганроге. Она прочла стихи Ахматовой, влюбилась в них и твердо решила познакомиться с поэтессой. Поехала в Петербург, нашла квартиру Ахматовой и позвонила в дверь.

«Открыла мне сама Анна Андреевна, – вспоминала она. – Я, кажется, сказала: «Вы – мой поэт», – извинилась за нахальство. Она пригласила меня в комнаты. Дарила меня дружбой до конца своих дней». Ахматова тогда поинтересовалась у Фаины: «Вы пишете?» Но та ответила: «Никогда не пыталась. Поэтов не может быть много». Возможно, с этой фразы Ахматова и присмотрелась к ней получше, выделив необычную девушку из числа своих многочисленных почитательниц».

Сцена, театральная ли, музыкальная, завораживала юную Фаину: девочка как будто чувствовала, что именно сцена станет местом ее преображения из мучительно стесняющейся по каждому поводу дикарки в раскрепощенную острословку – любимицу миллионов. Бросив таганрогскую гимназию в 14 лет Фая Фельдман поступила в частную театральную студию к А. Ягелло (А. Н. Говберга). Руководитель студии был добрый, интеллигентный чудак, который увлекался экспериментами с театральными постановками. Он научил Фаину свободно двигаться по сцене, раскованно, громко и внятно говорить, чуть растягивая слова (чтобы избавиться от заикания), красиво жестикулировать.

Таганрогская Мариинская женская гимназия.
Открытка конца XIX в.

В возрасте 14-ти лет Фаина впервые побывала в столице, где попала на спектакль «Вишневый сад», сыгранный блестящей актерской труппой Московского Художественного театра. Именно эта чеховская пьеса подарила Фае ее новую фамилию, которую она сделает великой силой собственного таланта. Однажды девушка шла по улице с приятелем – театралом, вдруг из ее сумочки выпало и унесло ветром несколько купюр. Фаина не расстроилась, а стояла и весело смотрела вслед деньгам:

– Боже, как красиво они летят!

Ее спутник заметил:

– Вы совсем как Раневская!

Важные знакомства

«Профессию я не выбирала, она во мне таилась».
Фаина Раневская

«Посмотри на себя в зеркало – и увидишь, что ты за актриса!»
Гирши Фельдман

Свое пятнадцатое лето Фаина провела в Крыму, в Евпатории, где познакомилась с молодой, талантливой актрисой Московского художественного театра Алисой Коонен, ученицей Станиславского. В заросшем соседском саду стоял красивый, чуть обветшалый особняк, в котором, оказывается, каждое лето отдыхала с родными Алиса Коонен. Узнав, кто ее соседка, Фая решила во что бы то ни стало подружиться с нею: каждое утро нескладная девочка с сияющими глазами ждала у ворот соседскую компанию, чтобы вместе отправиться на пляж – провести время в обществе своего нового кумира. Коонен отнеслась к новой знакомой сначала снисходительно, а затем – и покровительственно: льстило внимание и обожание юной Фаи Фельдман. Матвей Гейзер рассказывал:

> «…В то время Коонен была совсем молода, играла в Художественном театре и уже была достаточно известна как в Москве, так и за ее пределами. С Фаиной Фельдман они встретились в Евпатории, где Алиса гостила у своего брата, главного врача туберкулезного санатория.
>
> Что касается Фаины, то ей тогда было четырнадцать лет, и в Коонен она была буквально влюблена – специально ради встреч с ней приезжала в Евпаторию и всюду сопровождала своего кумира.
>
> Спустя пять лет, когда Фаина уже перебралась в Москву и пыталась стать актрисой, Коонен уже была примой недавно открывшегося Камерного театра под руководством Александра Яковлевича Таирова.
>
> Раневская обожала этот театр, ходила туда на все спектакли и мечтала когда-нибудь и сама там играть. «Мне посчастливилось быть на спектакле «Сакунтала», которым открывался Камерный театр… – писала она спустя несколько десятилетий. – Роль Сакунталы исполняла Алиса Коонен. С тех пор, приезжая в Москву (я в это время была актрисой в провинциальных театрах), неизменно бывала в Камерном театре, хранила преданность этому театру, пересмотрев весь его репертуар».

Племянница Алисы, Нина Сухоцкая, стала первой настоящей подругой Фаины: дружба, зародившаяся на приморской даче, продолжалась всю жизнь. Нина стала режиссером Фаины, ее компаньонкой, любимой собеседницей, о которой потом вспоминали современники двух подруг:

> «…Они являли собой разительный контраст: яркая, статная, царственно-эксцентричная Фуфа и маленькая, серенькая, говорливая Нина. Близкие Раневской знали, что Сухотская – отнюдь не приживалка Фаины Георгиевны. Ее вкусу, уму, знаниям Раневская безоговорочно доверяла, а в конце жизни даже покинула свое элитное обиталище в «башне» на Котельнической набережной и переселилась поближе к Сухотской. На руках Нины Станиславовны Раневская и скончалась».

Юная Фая (справа) с сестрой Беллой

Знакомство с Ниной и Алисой окончательно укрепило Фаину в желании стать актрисой, как ее старшие подруги.

> Сухоцкая говорит о Фаине как об обаятельной, прекрасно, иногда несколько эксцентрично одетой молодой девушке, остроумной собеседнице, приносившей в дом атмосферу оживления и праздника. Сухоцкой Фаина казалась очень красивой, даже несмотря на неправильные черты ее лица. Огромные лучистые глаза, столь легко меняющие выражение, чудесные пышные, волнистые, каштановые, с рыжеватым отблеском волосы, прекрасный голос, неистощимое чувство юмора и, наконец, природный талант, сквозивший буквально в каждом слове Фаины, в каждом ее поступке, – все это делало ее обворожительной, привлекательной и притягивало к ней людей».

Глава II
Театральный старт

«Жизнь бьет ключом по голове!»
Раневская

Покорение Москвы

«Всё. И куда я, дура, собралась, на что надеялась?! Нельзя ли повернуть поезд обратно?..»
Раневская

Студеным октябрьским утром 1913 года на перрон Курского вокзала из поезда «Таганрог-Москва» выпорхнула энергичная девица с саквояжем – это юная Фая Фельдман, которой стало нестерпимо тесно в родном южном захолустье, приехала покорять столицу. Всю ночь она не сомкнула глаз, глядя на проносящиеся за темным окном поля, деревни и перелески и не различая ничего из того, что мелькало за пыльным и сумеречным вагонным стеклом. Полная амбициозных планов и самых смелых надежд, Фаина стремилась в столицу. Позади остался непростой, полный слез и уговоров, разговор с отцом, строгий Гирши Хаймович выделил-таки дочери немного денег – на небольшое, скромное, ознакомительное путешествие в столицу. Знал бы он, что его неугомонная младшая дочь прямо с вокзала бросится обходить столичные театры в поисках работы! Эта первая поездка в столицу могла бы стать последней – будь Фаина чуть менее одержима театральной сценой: на работу ее нигде брать не желали (как выяснилось, в столице профессиональных безработных актеров прозябает огромное количество!). От театра к театру Фая все больше заикалась, нервничала, мямлила и под конец даже начала падать в обморок – от избытка чувств. О своих обмороках она позже, смеясь, рассказывала:

> «А что? Я родилась в конце девятнадцатого века, в ту пору, когда в моде еще были обмороки. Мне, к слову сказать, очень нравилось падать в обморок, к тому же я умудрялась не расшибаться, поскольку старалась падать грациозно и красиво. С годами, конечно же, да и, слава Богу, это увлечение понемногу прошло. Но один такой обморок я помню очень хорошо, очень ясно и отчетливо. Он надолго сделал меня счастливой. В тот, совершенно обычный на первый взгляд, день я шла по Столешникову переулку, разглядывая поражающие взор витрины роскошных магазинов, как вдруг рядом с собой я услышала голос человека, в которого была влюблена, можно сказать, до одурения. Я тогда собирала фотографии этого парня, писала ему письма, но никогда их не отправляла, караулила объект своей страсти у ворот его дома – словом, совершала все полагающиеся влюбленной дурочке поступки.
>
> – Добрый день! – сказал мне возлюбленный.
>
> – Добрый… – только и успела ответить я и тут же поспешила упасть в обморок.
>
> От волнения я упала неудачно и довольно сильно расшиблась. Сердобольные прохожие занесли меня в находившуюся поблизости кондитерскую, которая принадлежала тогда супружеской паре –

француженке с французом. Добрые супруги влили мне в рот крепчайший ром, от которого я тотчас же пришла в себя и… снова немедленно потеряла сознание, на сей раз по-настоящему, так как снова услышала:

– Фаина, ты не сильно ударилась?

Это был тот же любимый голос…»

Курский вокзал Москвы на старой открытке.
Возможно, именно такую картину увидела юная Фая, прибыв в Москву в 1913 году

Москва с ее ужасной дороговизной и суетой поразила Фаину своей неприступностью, равнодушием энергично спешащей толпы: городу, о котором она так долго грезила, совершенно не было дела до нескладной девочки с саквояжем. Люди из администраций театров, с которыми ей удалось пообщаться на тему трудоустройства, вели себя в лучшем случае небрежно и холодно, а в худшем – оскорбительно замечали Фаине, что к театру у нее – профессиональная непригодность. Проницательный отец, выждав некоторое время, прислал дочери денег на обратную дорогу и велел возвращаться: уставшая от московских мытарств и житья в дрянной, съемной комнатушке с клопами, Фая собрала свой саквояж и села в поезд «Москва-Таганрог», чтобы вернуться домой и получше подготовиться к штурму московских театров – Раневская и не думала сдаваться. Она удивлялась тому, насколько ее отец волновался на тему: «А что скажут люди?», саму ее это даже в юные годы совершенно не волновало. Время стеснительности и желания быть в тени прошло, девочка выросла. Она себе она позже рассказывала:

> «А меня никогда не волновало, что подумают люди. Разве волнует кошку, что о ней думают мыши? Нет, конечно! Стоит только задуматься о том, что скажут люди, как жизнь сразу же начинает катиться к чертям. Опасный это вопрос – лучше никогда его не задавать. Ни себе, ни окружающим».

Вторая попытка стать актрисой состоялась в 1915 году – Фаина решила для начала поступить в театральное училище. У респектабельного дельца Гирши Фельдмана не укла-

дывалось в голове, как в его семье могла вырасти девочка, стремящаяся к профессии, не сильно (по его мнению) отличающейся от работы в борделе. Отец Фаины всеми силами пытался положить конец неприличным устремлениям дочери, перед девушкой назрел первый взрослый выбор: семья или сцена. Фая, не колеблясь, выбрала театр:

«Профессию я не выбирала, она во мне таилась».

Вторая поездка в Москву состоялась, вопреки гневу отца, который не пожелал дать бунтарке ни копейки. Не только потому, что был не на шутку рассержен выбором дочери, но и потому, что дела его сильно пошатнулись из-за Первой мировой войны, а впереди разом обедневшую семью ждала эмиграция.

О последнем разговоре с отцом и своем отъезде Фаина Раневская позже вспоминала:

> «…После разговора с отцом мне впервые захотелось навсегда уйти из дома и начать самостоятельную жизнь. Будучи кипучей и взрывной натурой, я не стала откладывать свое намерение в долгий ящик. Тем более что к тому времени уже успела отзаниматься в частной театральной студии, сыграть несколько ролей в постановках ростовской труппы Собольщикова-Самарина, а также в любительских спектаклях.
>
> Что и говорить, я даже справилась со своим заиканием. Я долго и упорно тренировалась, можно сказать, заново выучилась говорить, чуть растягивая слова, и дефект речи безвозвратно исчез. Навсегда.
>
> Отчий дом я вскоре, как и следовало ожидать, покинула.
>
> Держа в руках небольшой чемоданчик, я отправилась в Москву, чтобы поступить в театральную школу.
>
> В моем активе была небольшая сумма денег, а также обещание мамы в случае нужды помогать деньгами.
>
> Господи, как же мама рыдала, когда я собирала вещи. А я – вместе с ней. Нам обеим было мучительно больно и страшно, но своего решения я изменить не могла. Ко всему прочему я и тогда была страшно самолюбива и упряма…
>
> И вот моя самостоятельная жизнь началась… Простые люди только могли мечтать о театре, а взбалмошные сыновья и дочери обеспеченных родителей вроде меня стремились зачем-то попасть на сцену – с жиру бесились, как сказал бы наш дворник, а у моего отца был даже собственный дворник, не только пароход…».

Судьбоносная встреча

С городами, как и с людьми, у каждого человека возникают свои собственные отношения. Один город встретит тебя прекрасной погодой и чередой маленьких, судьбоносных чудес, другой – досадной кражей кошелька, падением в лужу, попаданием под лошадь и всяческими лишениями, которые очевидно свидетельствуют: чужаку здесь не рады. С Москвой у Фаины отношения сразу не задались: большой, неприветливый город, хоть и впечатлил юную искательницу приключений своим величием, суетой и многолюдьем, но руки ей не подал. Однако девушка оказалась упорной: осенью 1915 года Фаина Фельдман снова отправилась покорять столицу. На этот раз она решила во что бы то ни стало поступить в театральную школу. Энергичная девушка обходила театральные школы одну за одной, попутно ища всевозможные подработки (скудный денежный запас таял слишком быстро). Однако стать студенткой ей все не удавалось, а единственной работой, которую ей удалось найти, стало нерегулярное и весьма скромно оплачиваемое участие в цирковой массовке. Вспоминая это время, Раневская рассказывала:

> «Неудачи не сломили моего решения быть на сцене: с трудом устроилась в частную театральную школу, которую вынуждена была оставить из-за невозможности оплачивать уроки. А не могла я оплачивать не только уроки, но и жилье. Деньги, с которыми я приехала в Москву, просто исчезали на глазах, а единственная работа, которую удалось найти, была крайне непостоянной, да и приносила сущие копейки. Но все равно я была счастлива – ведь я подрабатывала в массовке цирка! Но таким счастьем сыт не будешь. В скорости я осталась без крыши над головой. Благо это было летом! А ведь я была девушкой из добропорядочного провинциального буржуазного семейства, которая привыкла спать на мягких перинах и кружевном постельном белье. Мысль о ночлеге на улице не укладывалась в голове. Вот это я попала! Поистине безвыходная ситуация. А оставаться в Москве без денег, да еще и без работы невозможно, так же, как и повторно вернуться неудачницей домой».

Москва на старой открытке

Проходя мимо недосягаемого своего божества – Большого Театра, полуголодная и совершенно отчаявшаяся Фая вдруг безудержно разрыдалась прямо у подножия одной из театральных колонн. Проходившую мимо даму тронуло отчаяние девушки, она подошла, пожалела Фаину и пригласила переночевать к себе. Так началась сорокалетняя дружба Фаины Раневской и великой русской балерины, примы Большого театра – Екатерины Васильевны Гельцер.

Несмотря на разницу в возрасте (когда женщины познакомились, Гельцер было 39 лет), Екатерина и Фаина обнаружили удивительное духовное родство: обе были эксцентричны, остры на язык, остроумны, энергичны и в целом очень похожи. Историки полагают, что своему имиджу зрелая Фаина Раневская во многом обязана старшей подруге, которую невольно копировала в общении. Умная, проницательная Гельцер была язвительна, называла вещи своими именами и слыла в московском театральном кругу неисправимой насмешницей. Именно такой фигурой стала впоследствии и Фаина Раневская. Биограф Андрей Левонович Шляхов рассказывает:

> «Фанни, вы меня психологически интересуете», – признавалась Гельцер. Она искренне восхищалась молодостью и самоотверженностью Фаины: «Какая вы фэномэнально молодая, как вам фэномэнально везет!» Радуясь первым успехам Фаины, Екатерина Васильевна признается ей: «Когда я узнала, что вы заняли артистическую линию, я была очень горда, что вы моя подруга».

Екатерина Гельцер была умна, остра на язык и имела привычку называть вещи своими именами. Так, например, рассказывая Фаине о московском театральном закулисье, она называла актерское общество «бандой», имея в виду нравы, в нем царившие.

«Я обожала Гельцер», – говорила Фаина Раневская после смерти Екатерины Васильевны, скончавшейся в 1962 году в Москве восьмидесяти семи лет от роду.

Порой во время бессонницы Екатерина Васильевна могла позвонить Раневской в два, а то и в три часа ночи с каким-нибудь вопросом (Фаина Георгиевна всегда пугалась этих

ночных звонков). Вопросы у Гельцер всегда были самые неожиданные, особенно в ночное время. Например, она могла спросить: «Вы не можете мне сказать точно, сколько лет Евгению Онегину?» – или попросить немедленно объяснить ей, что такое формализм.

При всем этом, по свидетельству Раневской, Екатерина Васильевна была необыкновенно умна. Ее кажущуюся наивность, ее ночные звонки Фаина Георгиевна относила за счет причуд, присущих каждому гению.

Екатерина Гельцер делилась с Раневской сердечными тайнами. Однажды сообщила, что ей безумно нравится один господин и что он «древнеримский еврей». Слушая ее, Фаина от души хохотала, но Гельцер никогда на нее за это не обижалась. Она вообще была очень добра и очень ласкова с Фаиной. «Трагически одинокая», по выражению Раневской, она относилась к ней с подлинно материнской нежностью.

Гельцер любила вспоминать молодость. Вспоминала свою самую первую периферию – город Калугу, рассказывала, что мечтает сыграть немую трагическую роль. «Представьте себе, – говорила она Раневской, – что вы – моя мать и у вас две дочери, одна из которых немая, и потому ей все доверяют, но она жестами и мимикой выдает врагов».

«Каких врагов?» – улыбалась Раневская. «Неважно каких», – отвечала Гельцер и начинала импровизировать, придумывая на ходу сюжет драмы, которую они бы вместе исполняли. «Я жестами показываю вам, что наступают враги! Вы поняли меня, враги побеждены, кругом радость и ликование, и мы с вами танцуем Победу!» «Екатерина Васильевна, дело в том, что я не умею танцевать», – робко возражала Раневская. «Неважно, – отмахивалась Гельцер, безумно переживавшая, что уже не танцует на сцене. – Тогда я буду одна танцевать Победу, а вы будете бегать где-нибудь рядом!»

Екатерина Васильевна Гельцер, крупнейшая «звезда» советского балета 1920-х годов, ставшая близкой подругой Раневской

Фаина буквально растворилась в театральной Москве. Они с Гельцер не пропускали ни одного спектакля Художественного театра, были завсегдатаями театра-кабаре Никиты Балиева «Летучая мышь»…

…Не стоит считать этот период в жизни Раневской совершенно уж безоблачным. Таких периодов в ее жизни не было вовсе. Фаина с трудом сводила концы с концами, тем более что рачительностью и умением экономить она никогда не отличалась, но мелкие житейские проблемы не могли затмить всего остального. Екатерина Гельцер вдохнула в Фаину новые силы, возродила угасшую было надежду на сценическое будущее и принялась за поиски места для своей новой подруги.

> «Гельцер показала мне всю Москву тех лет. Это были «Мои университеты», – вспоминала Раневская.

Фаина была счастлива, ведь почти добилась своего: она вот-вот станет актрисой, она будет играть на столичной сцене (и пусть вначале ее роли будут незначительны и зачастую вообще без слов, но это только вначале), у нее появились новые знакомые, и какие! Один Владимир Маяковский, с которым она познакомилась в доме Екатерины Васильевны, стоил тысячекратно больше всего таганрогского «высшего света» с высокомерными провинциальными толстосумами и их чванными женами.

Сценическая школа: первые учителя

По рекомендации старшей подруги Фаина устроилась на свою первую театральную работу, которой очень гордилась: актрисой «на выходах» в Летний театр в дачном подмосковном поселке Малаховке (к востоку от столицы). Биограф Матвей Гейзер рассказывал:

> «Этот театр в дачном поселке Малаховка, где летом отдыхал весь цвет московской богемы, построил богатый театрал Павел Алексеевич Соколов. В летний сезон там вовсю кипела жизнь – по вечерам на спектакли съезжалась самая изысканная публика. И неудивительно, ведь на сцене Летнего театра пели Шаляпин, Собинов, Нежданова, Вертинский, а в драматических спектаклях играли такие знаменитые актеры, как Яблочкина, Садовская, Коонен, Остужев, Тарханов.
>
> Фаину взяли туда на эпизодические роли, но несмотря на то, что играть ей приходилось всего ничего, да и платили за это копейки, она была совершенно счастлива. Главное – работа в этом театре стала для нее прекрасной школой, там она училась сценическому мастерству у лучших русских актеров. И не только наблюдала за ними, но и играла вместе с ними на одной сцене. А ведь совсем недавно ей заявляли, что «в артистки она не годится».

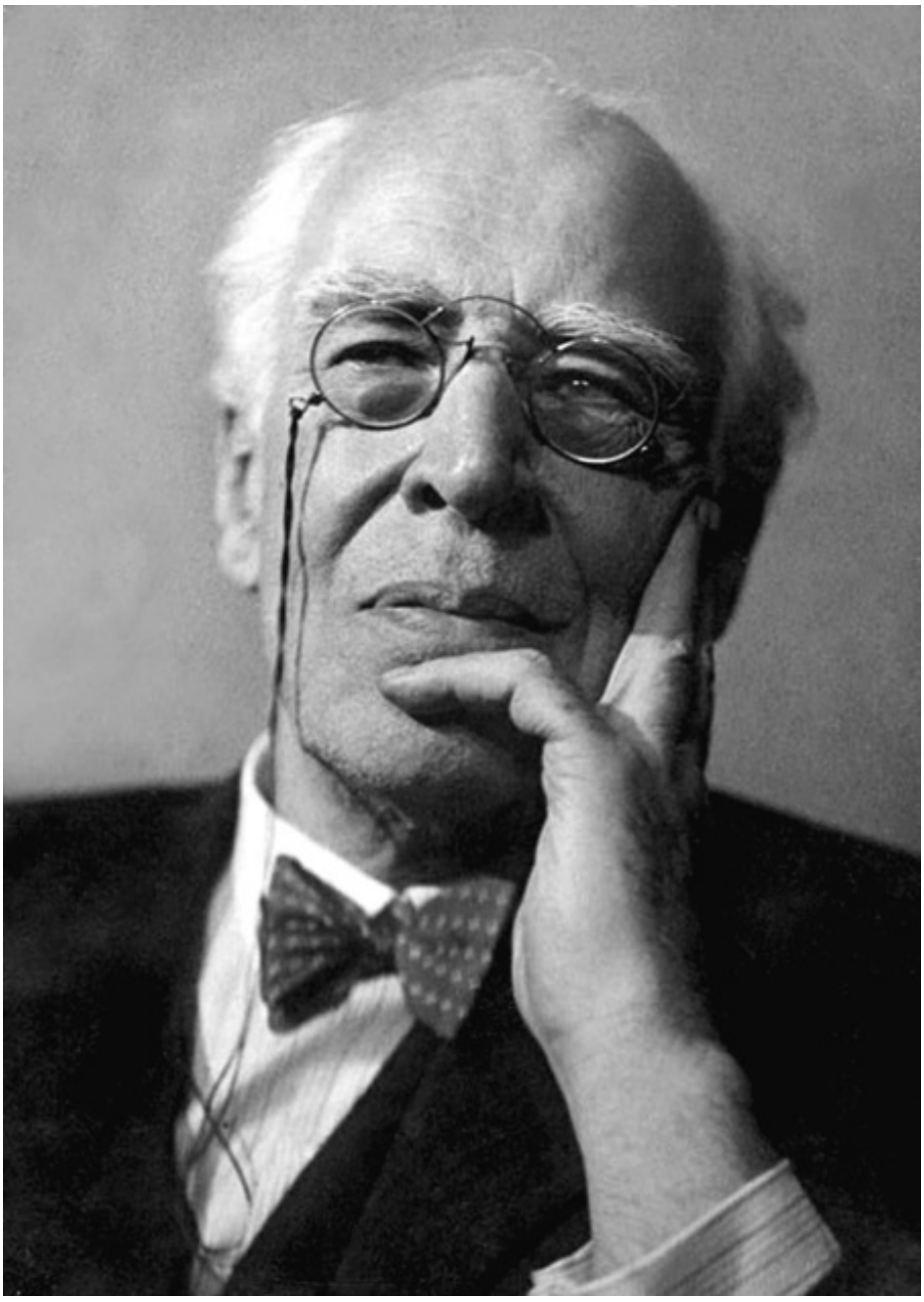
Свободные от работы вечера Фая посвящала театральной жизни Москвы: ходила на спектакли, знакомилась с творческими людьми – окружением Екатерины Васильевны Гельцер. Экономя свои скудные средства, Раневская хитрила, чтобы попасть на тот или иной спектакль бесплатно. Она с трагичным видом заглядывала в окошечко театрального администратора, устремляла на него свои большие, выразительные глаза и печально говорила:

> – Извините меня, пожалуйста, я провинциальная артистка, никогда не бывавшая в хорошем театре.

Хитрость часто удавалась – сердобольный администратор выдавал юной ценительнице театрального искусства контрамарку. Однако вскоре администраторы стали узнавать Раневскую, один из них сочувственно заметил девушке: «Вы со своим лицом запоминаетесь».

Больше всех столичных театров двадцатилетняя Фая любила Художественный театр, спектакли которого смотрела все без исключения и по многу раз. Разумеется, в число кумиров молодой актрисы сразу же попал Константин Сергеевич Станиславский, который был особенно хорош и убедителен, по скромному мнению Фаины, в роли отставного генерала Крутицкого, старика-ретрограда (в спектакле «На всякого мудреца довольно простоты»). Любимым спектаклем девушки стал чеховский «Вишневый сад» с великолепным, звездным актерским составом, у которого Фае, впитывающей все, как губка, было чему поучиться (Станиславский играл Гаева, Николай Осипович Массалитинов – Лопахина, Ольга Книппер-Чехова – Раневскую). Биограф Андрей Шляхов рассказывает:

> «…Однажды Раневская шла по Леонтьевскому переулку и увидела пролетку, в которой сидел Станиславский. От неожиданности она растерялась, а потом побежала за ним, крича: «Мальчик мой дорогой!» Станиславский смотрел на экзальтированную девицу добрыми глазами и смеялся… Эту случайную встречу Фаина Георгиевна пронесет в сердце через всю свою жизнь… Она боготворила Станиславского, преклонялась перед ним, обожала его».



Константин Сергеевич Станиславский – театральный режиссер, актер и педагог, реформатор театра

В это благодатное, хоть и непростое для нее, время знакомства с Москвой Фаина была представлена Цветаевой. Особой любви у Фаи к Марине не возникло, однако женщины стали довольно близкими приятельницами, поддерживающими знакомство много лет. Биограф Матвей Гейзер писал:

> «С Цветаевой у Раневской не возникло той глубокой нежной привязанности, которая связывала ее с Вульф, Гельцер или Ахматовой, но тем не менее они сдружились и потом много лет общались и даже поверяли друг другу секреты, которые не всем могли рассказать. Так, например, она куда больше многих знала об отношениях Цветаевой с поэтессой Софией Парнок – отношениях, вызывающих осуждение общества, но совершенно

не шокировавших совсем молодую тогда Раневскую. Она уважала любую любовь и сочувствовала «русской Сапфо», как называли Парнок.

У Цветаевой она научилась всегда уважать творчество, даже если оно выглядит не слишком понятным и даже смешным. «Однажды произошла такая встреча, – вспоминала она, – в пору Гражданской войны, прогуливаясь по набережной Феодосии, я столкнулась с какой-то странной, нелепой девицей, которая предлагала прохожим свои сочинения.

Я взяла тетрадку, пролистала стихи. Они показались мне несуразными, не очень понятными, и сама девица косая. Я, расхохотавшись, вернула хозяйке ее творение. И пройдя далее, вдруг заметила Цветаеву, побледневшую от гнева, услышала ее негодующий голос: «Как вы смеете, Фаина, как вы смеете так разговаривать с поэтом!»

Пожалуй, самыми значимыми событиями «малаховского сезона» стали для Фаи два знакомства: с великим русским актером и театральным педагогом Илларионом Николаевичем Певцовым (который в юности считался неизлечимым заикой, как и сама Фаина, однако самостоятельно научившимся преодолевать на сцене мучительное заикание практически полностью) и с театральной актрисой Ольгой Осиповной Садовской. Матвей Гейзер рассказывал об этих судьбоносных знакомствах:

«Вспоминая Певцова, Раневская всегда говорила, что он не играл, а жил в своих ролях и каждый раз по-настоящему умирал на сцене. Этого выдающегося артиста она впоследствии называла своим первым учителем. Впрочем, таковым он был не только для нее – он очень любил молодежь, и после спектакля часто подолгу прогуливался в компании молодых актеров и актрис. Он беседовал с ними о природе и театре, объяснял, что настоящий артист обязан быть образованным человеком, должен хорошо разбираться в литературе, живописи, музыке и обязан любить природу. Раневская навсегда запомнила, как он с воодушевлением говорил молодым актерам: «Друзья мои, милые юноши, в свободное время путешествуйте, а в кармане у вас должна быть только зубная щетка. Смотрите, наблюдайте, учитесь». Певцов стал для Раневской не просто другом и учителем – он вернул ей внутреннюю веру в себя, в свой талант, вновь помог поверить, что она обязательно станет настоящей актрисой…

…Ольге Осиповне Садовской было уже за шестьдесят, она была очень знаменита, имела звание заслуженной артистки Императорских театров и продолжала играть на сцене ведущие роли, несмотря на то, что по состоянию здоровья не могла ходить. Как оказалось – настоящей артистке это не помеха, публика на ура принимала ее Кукушкину в «Доходном месте», Аполлинарию Антоновну в «Красавце-мужчине» и Домну Пантелеевну в «Талантах и поклонниках». Именно наблюдая за ней, Раневская поняла, как важны для актрисы хорошая дикция и умение владеть голосом.

А лично познакомились они случайно: в один прекрасный солнечный день Раневская села на скамейку около театра, где уже сидела какая-то старушка. А потом какой-то проходивший мимо человек почтительно сказал: «Здравствуйте, Ольга Осиповна».

Раневская подскочила от восторга, а удивленная Садовская перестала дремать и спросила ее, почему она так прыгает. Она объяснила, что это от восторга – потому что сидит рядом с такой великой актрисой».

Летний театр в Подмосковном дачном поселке Перловка.
Почтовая карточка 1912 г. В таких театрах часто играли начинающие актрисы

Старушка заразительно расхохоталась и сказала: «Успеете еще, сидите смирно и больше не прыгайте. Смешная какая вы, барышня. Расскажите, чем вы занимаетесь?». Она взяла Фаину за руку, усадила рядом и начала расспрашивать. Девушка без утайки рассказала о том, что мечтает стать настоящей актрисой, что работает в Летнем театре на выходах, что не смогла поступить в театральную школу… Так завязалось их знакомство, которым Фанни Фельдман гордилась всю жизнь. Наблюдательная и чуткая, Фаина многому научилась у Садовской и Певцова, считая их своими первыми учителями. Биограф Андрей Левонович Шляхов писал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.